

Текст · 3 марта 2021, 11:41

Никита Шулаев, Дмитрий Трещанин, Максим Литаврин,

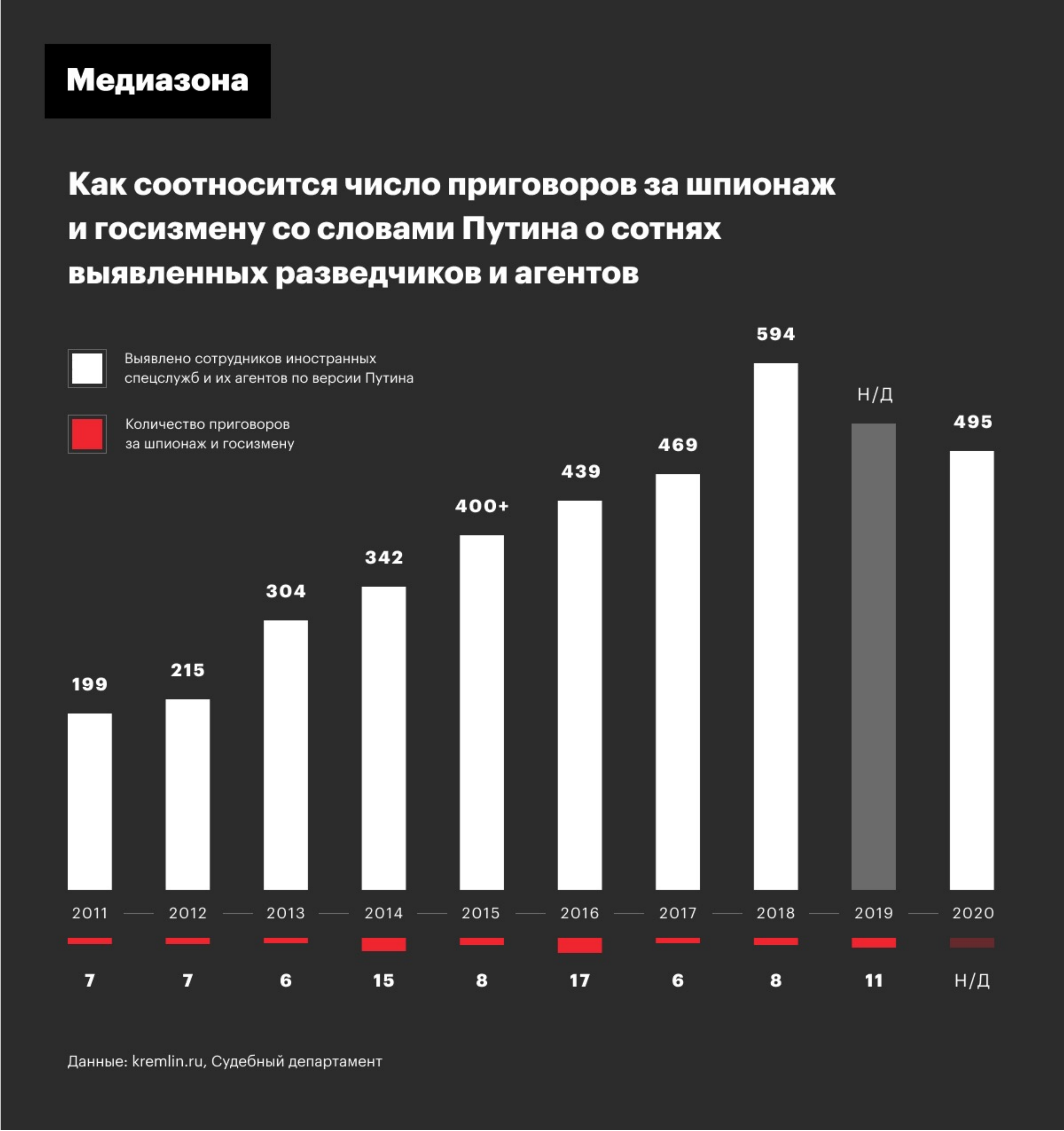
Шпионский айсберг. Почему ФСБ каждый год сообщает о сотнях раскрытых агентов, а приговоры выносятся единицам

Традицию сообщать на заседаниях коллегии ФСБ о числе выявленных спецслужбами иностранных разведчиков еще в 2012 году заложил президент Дмитрий Медведев. «Цифры, которые я сейчас объявлю, вообще не принято называть, но они показывают сам результат деятельности ФСБ. Это хорошие цифры», — сказал Медведев. Он объявил, что в 2011 году была пресечена деятельность 41 кадрового сотрудника иностранных спецслужб и выявлено 158 агентов, среди которых были и граждане России. С тех пор эта цифра растет год от года.

Кажется, что эти люди должны попадать под уголовное преследование по статьям о шпионаже и госизмене — по сути, эти статьи различаются только тем, что по первой судят иностранных граждан, а по второй — россиян. Но такие дела очень редки: в 2011 году суды по всей стране вынесли всего 7 приговоров по статьям 275 (госизмена) и 276 УК (шпионаж).

«Медиазона» собрала все цифры, в разные годы названные президентом на коллегиях ФСБ, и сравнила их со статистикой судебного департамента при Верховном суде — и они практически не соотносятся друг с другом. По заявлениям Медведева и Путина, за последние 10 лет в России выявили около

3 500 агентов и сотрудников иностранных разведок. Приговоров суды за тот же период вынесли в 40 раз меньше.

В 2020 году на коллегии ФСБ Владимир Путин не раскрыл статистику по разоблаченным в прошлом году шпионам; поэтому столбец «2019» помечен как н/д. Судебный департамент же пока не предоставил данные о приговорах за весь 2020 год, поэтому столбец «2020» тоже помечен как н/д.

Объяснить это противоречие «Медиазона» попросила специализирующегося на делах о госизмене адвоката Ивана Павлова из «Команды 29»:

«[То, что приносят президенту] — это обезличенная информация, она не обязательно должна как-то коррелировать с судебной статистикой. Почему? Потому что разные используются понятия. "Кадровый сотрудник иностранной спецслужбы" —

обычно это офицер органов разведки иностранного государства. Он может действовать, например, под прикрытием дипломатического статуса своего, либо действовать здесь без прикрытия дипломатическим статусом. Его не обязательно должны посадить или привлечь к уголовной ответственности.

Выявление и процесс привлечения лиц к уголовной ответственности — разные вещи.

Кто такие агенты иностранных спецслужб? Это тоже лица, которые завербованы иностранной разведкой, это не те, кто служат в разведке, это те, кто на конфиденциальной основе оказывает им какое-то содействие. Опять-таки, здесь выявление не тождественно привлечению к уголовной ответственности. За выявленным лицом может быть установлена слежка, с ним могут вести работу гласно или негласно наши спецслужбы — например, для того, чтобы его как-то перевербовать.

Деятельность ФСБ — она вообще над законом, она ничем особенно не регулируется, кроме как внутренними секретными актами. Возможности органов ФСБ в проведении контрразведывательной деятельности еще более свободные, чем в оперативно-розыскной. А это два разных направления. Если мы, например, знаем все мероприятия, перечисленные в законе об оперативно-розыскной деятельности, то закона о контрразведывательной деятельности не существует, и она регулируется внутренними засекреченными, не доведенными до сведения общественности нормативными актами. Там возможен вообще произвол полный — что хотят, то и делают.

И выявление вот этих вот лиц [о которых говорят на коллегии ФСБ] — это не более, чем цифра, которую можно иногда выдумать. Мы знаем, как рисуют официальную статистику в России, а уж неофициальную нарисовать еще проще. Не обязательно нужен приговор, вступивший в законную силу — ну просто вот клеймо такое некоторое. Если заподозрили они — все, в число агентов иностранных служб ты попадаешь и, соответственно, на коллегии ФСБ число будет обозначено, и ты будешь внутри этой статистики зашит.

Иногда вопрос о том, [довести ли дело до суда], решается политически, иногда — тактически, иногда им выгоднее просто понаблюдать за тем, кто попал в подозрение. Мы ведь сейчас говорим не про закон даже... ФСБ — такая структура, которая над законом, и вот эта вот процедура вся — когда в следственное управление попадают материалы, когда материалы передаются следователям, возбуждается дело, начинается уголовный процесс — вот эта вся тягомотина — это лишь незначительный мизер в деятельности ФСБ, который для них особенной роли не играет. Они могут возбудить 400 дел, возбуждают 10-15 в год. Почему? Потому что у них есть такой интерес, интерес понаблюдать. И вот они наблюдают. Иногда наблюдение это ни к чему не приводит. Иногда, наверное, к чему-то приводит».

Бывший оперативник ФСБ так рассказывал «Медиазоне» о своей работе по контрразведке:

«Поймать шпиона — дело непростое. Для этого нужно определенное везенье, потому что нам противостояли очень высокие профессионалы. <...> При этом настоящего шпиона очень трудно привлечь к уголовной ответственности.

В основном проколы случаются во время передачи секретных данных или тайниковой операции. Но часто люди это очень осторожные и настолько аккуратно все делают, что зацепить их и потащить в суд вариантов нет — проще выдворить, чтобы пресечь деятельность.

Но вместо них наверняка приезжал другой. Это постоянно, постоянно, постоянно. Одного победил — приехал другой, и ты даже не знаешь, кто может приехать. Полгода, год. Ну, ага, понятно, кто приехал. Вот такой-то. Берешь и начинаешь работать по нему. Это обычная рутинная работа».

Редактор: Егор Сковорода